

Убийство на улице Морг

Какую песню пели сирены, или какое имя носил Ахиллес, в то время как скрывался среди женщин, — вопросы, конечно, любопытные, но совершенно не поддающиеся разрешению.

Сэр Томас Браун

Так называемые аналитические способности ума почти недоступны анализу. Мы знаем только их проявления. Мы знаем также, что они являются источником живейших наслаждений для того, кто обладает ими, в более чем обыкновенной степени. Как сильный физически человек радуется своей силе, прилагая ее к мускульным упражнениям, так аналитический ум торжествует, предаваясь распутывающей деятельности. Он охотно берется за самые тривиальные занятия, если только они дают ему возможность приложить к делу свои способности. Он радуется всяким загадкам, заговздкам, иероглифам, обнаруживая при разъяснении их остроумие, которое простым смертным кажется сверхъесте-

ственным. Результаты его, вытекающие из методического и обдуманного исследования, кажутся плодом вдохновения.

Способность к распутыванию загадок, вероятно, усиливается изучением математики, в особенности ее высшего отдела, несправедливо называемого анализом, как бы *par excellence*¹. Но соображать — не значит анализировать. Шахматный игрок, например, соображает, не прибегая к анализу. Отсюда следует, что характер шахматной игры, в смысле упражнения ума, понимается совершенно превратно. Я не намерен писать трактат на эту тему, я просто хочу высказать несколько замечаний, скорее догадок, в виде предисловия к нижеследующему рассказу. Итак, я утверждаю, что высшие способности мышления более связаны с простой игрой в шашки, чем с затейливыми тонкостями шахмат. В этой последней игре, где фигуры имеют различные и причудливые ходы и представляют разную степень силы, — сложность принимается за глубину (ошибка довольно обыкновенная). Здесь требуется главным образом внимание. Ослабни оно хоть на минуту — упущение сделано, и вся игра расстроена или пропала. А возможность ходов, не только разнообразных, но и в обратном направлении, усиливает шансы на подобное упущение, так что в девяти случаях из десяти выиграет самый сосредоточенный, а не самый остроумный из игроков. Напротив, в шашках, где есть только один ход, который варьирует очень мало, вероятность прозевать незначительна, особенного внимания не требуется, и победа зависит единственно от проницательности. Чтобы пояснить это конкретным примером, представим себе партию в шашки, в которой остались только четыре дамки, и, следовательно, рассеянность ни при чем. Очевидно, здесь победа зависит (при равенстве игроков) от

¹ По преимуществу (*фр.*).

какого-нибудь особенного *recherche*¹, движения, результата сильного напряжения мысли. Лишенный обычных ресурсов, аналитик проникает в душу противника, отождествляется с нею и нередко сразу видит тот единственный способ (иногда до нелепости простой), с помощью которого можно вовлечь его в ошибку или ускорить неверный расчет.

Вист издавна считается игрой, требующей значительной силы соображения; гениальнейшие люди нередко предавались ему с увлечением, тогда как к шахматам относились пренебрежительно. Без сомнения, никакая другая игра не требует такой способности к анализу. Первый в мире шахматист может быть только шахматистом; но умение играть в вист свидетельствует о способности ко всяким другим, более важным предприятиям, в которых ум борется с умом. Говоря умение, я подразумеваю то мастерство игры, при котором пользуются всеми законными средствами, дающими перевес игроку. Они не только многочисленны, но и многообразны, и часто заключаются в таких тонких психологических комбинациях, которые недоступны обыкновенному пониманию. Внимательно наблюдать — значит ясно помнить: в этом отношении внимательный игрок в шахматы будет хорошо играть в вист, так как правила игры (основанные на изучении ее механизма) понятны и общедоступны. Но искусство аналитика проявляется в таких вещах, которые не подчиняются правилам. Он делает втихомолку массу наблюдений и заметок. Так же, быть может, поступают и его товарищи; но различие в ценности добытого таким способом материала зависит не столько от наблюдаемого объекта, сколько от качества наблюдения. Необходимо знать, что следует наблюдать. Наш игрок не сосредоточивается на чем-либо одном; не ограничивается

¹ Изыскание (фр.).

непосредственным объектом — игрою, — а извлекает указания и из других источников. Он наблюдает приемы своего партнера, сравнивая их с приемами противников. Он замечает, как кто держит и подбирает карты; и часто угадывает онеры или козыри на руках соседа, по взглядам, которые тот бросает на свои карты. Он следит за игрой физиономий во время игры и находит богатый материал для выводов в выражениях уверенности, удивления, торжества или досады. По манере брать взятку он заключает, есть ли на руках другая. По манере бросать карту — догадывается об умышленно неправильном ходе. Случайное или неосторожное слово; случайно упавшая или отвернувшаяся карта и выражение беспокойства или равнодушия, с которым ее прячут; счет взяток и порядок их размещения; нерешительность, колебание, поспешность или робость — все дает ему точные указания на положение игры, хотя с виду кажется, будто он действует по вдохновению. После двух-трех сдач он уже знает карты в каждой руке и ходит наверняка, как будто бы карты соседей были открыты.

Аналитическую способность не следует смешивать с простой изобретательностью, так как аналитик всегда изобретателен, а изобретательный человек часто совершенно неспособен к анализу. Творческая или комбинирующая способность, в которой проявляется обыкновенно изобретательность и для которой френологи (я думаю, ошибочно) указывают особый орган, считая ее первичной способностью, так часто проявляется у людей, которые в других отношениях приближаются к идиотизму, что это обстоятельство давно уже обратило на себя внимание писателей и философов. Различие между изобретательностью и аналитической способностью гораздо больше, чем между фантастичностью и воображением, но такого же

рода. Изобретательные люди всегда фантазеры, а истинное воображение всегда свойственно аналитическим умам.

Нижеследующий рассказ послужит читателю как бы комментарием к вышеизложенным соображениям.

Проживая в Париже весной и летом 18**, я познакомился с г-ом Огюстом Дюпенем. Это был молодой человек, хорошей, даже знаменитой фамилии, но сцепление обстоятельств довело его до крайней нищеты, сломившей его энергию, так что он покорился судьбе и перестал добиваться положения и богатства. Благодаря любезности кредиторов у него остались кое-какие крохи наследственного состояния; на них он и жил, удовлетворяя лишь самым необходимым потребностям с помощью строгой экономии и не заботясь об излишествах. Единственной роскошью, которую он позволял себе, были книги (в Париже это обходится недорого).

В первый раз мы встретились в одной маленькой библиотеке на Монмартре. Оказалось, что мы оба разыскивали одну и ту же весьма редкую и замечательную книгу; это обстоятельство и сблизило нас. Мы стали встречаться все чаще и чаще. Меня крайне заинтересовала его семейная история, которую он рассказал мне с чисто французской откровенностью. Я поражаюсь также его начитанностью, а главное, его причудливое, пылкое, живое воображение воспламеняло и меня. Ввиду цели моего тогдашнего пребывания в Париже, общество такого человека являлось для меня бесценной находкой, и я откровенно сообщил ему об этом. В конце концов мы решили поселиться вместе, и так как мои денежные обстоятельства были в несколько лучшем состоянии, чем его, то он согласился, чтобы я нанял и меблировал — в фантастическом стиле, что соответствовал нашим характерам, — курьезный и ветхий домишко, разрушавшийся в глухом уголке Сен-Жерменского

предместья, давно оставленный жильцами из-за каких-то суеверий, о которых мы не заботились.

Если бы посторонние знали о нашем образе жизни в этом домике, мы, без сомнения, прослыли бы сумасшедшими — хотя, быть может, безвредными. Мы жили отшельниками. Посетители к нам не заглядывали. Я не сообщал никому из своих прежних знакомых адрес нашего жилища, а Дюпен давно уже раззнакомился со всеми. Мы удовлетворялись собственным обществом.

Одной из причуд моего друга (ибо как же иначе это назвать?) было пристрастие к ночи, к темноте; я тоже поддался этой *bizarrierie*¹, как и другим его фантазиям. Печальная богиня не всегда была с нами, но мы умели подделать ее присутствие. При первых лучах рассвета мы запирали массивные ставни нашего старого дома и зажигали пару восковых свечей, которые, распространяя сильное благоухание, озаряли комнату бледным и зловещим светом. При этом освещении мы предавались мечтам, читали, писали, беседовали, пока часы не возвещали о наступлении настоящей ночи. Тогда мы выходили из дома и гуляли по улицам, рука об руку, продолжая нашу беседу, или бродили до позднего часа, находя среди света и теней многолюдного города материал для бесконечных наблюдений и размышлений.

Во время этих прогулок я не мог не заметить и не подивиться (хотя глубокий идеализм моего друга заставлял ожидать этого) замечательным аналитическим способностям Дюпена. По-видимому, ему самому доставляло большое удовольствие применять их к делу — а может быть, и обнаруживать перед другими, — в чем он откровенно признавался. Он хвастался мне, слегка подсмеиваясь, будто для него открыты сердца

¹ Странность (*фр.*).

почти всех людей, — и подтверждал это на деле поразительными доказательствами, обнаруживавшими глубокое знание моего сердца. В такие минуты он был холоден и рассеян, глаза его блуждали, а голос — сильный тенор — становился пронзительным и мог показаться крикливым, если бы не совершенная обдуманность и ясность речи. Наблюдая его в такие минуты, я часто вспоминал старинную философию о раздвоении души, а фантазия рисовала мне двух Дюпенов: созидающего и разрушающего.

Не вздумайте заключить из моих слов, что я излагаю какую-нибудь тайну или сочиняю роман. Все, что я рассказал об этом французе, было только результатом возбужденного, быть может, нездорового рассудка. Но следующий пример может дать представление о характере его наблюдений.

Однажды ночью мы шли по длинной грязной улице близ Пале-Рояля. Каждый из нас был занят своими мыслями, и в течение, по крайней мере, четверти часа мы не обменялись ни словечком. Вдруг Дюпен прервал молчание:

— Действительно, совсем карлик, и больше бы он сгодился для *Théâtre des Variétés*¹.

— Без сомнения, — отвечал я машинально, не заметив в эту минуту (до того я был поглощен своими размышлениями), как странно слова Дюпена согласовались с моими мыслями. Но в ту же минуту я опомнился, и изумлению моему не было границ.

— Дюпен, — сказал я серьезным тоном, — это выше моего понимания. Не стану и говорить, как я изумлен: едва верю своим ушам. Как могли вы догадаться, что я думаю о... — тут я остановился, чтобы проверить еще раз, действительно ли он знает, о ком я думаю.

¹ Театр «Варьете» (фр.).

— ...о Шантильи, — подхватил он, — что же вы остановились! Вы говорили самому себе, что его незначительная фигура не подходит к трагедии.

Именно это и было предметом моих размышлений. Шантильи, *quondam*¹ сапожник на улице Сен-Дени, увлекся театром и, выступив в роли Ксеркса в трагедии Кребийона, был жестоко осмеян за свое исполнение.

— Объясните мне, ради бога, — сказал я, — метод, если только тут может быть какой-нибудь метод, с помощью которого вы проникли в мою душу. — В действительности я был еще сильнее поражен, чем показывал.

— Продавец фруктов, — отвечал мой друг, — привел вас к заключению, что этот «сапожных дел мастер» недостаточно высок для Ксеркса *et id genus omne*².

— Продавец фруктов!.. вы удивляете меня!.. я не знаю никакого продавца фруктов.

— Человек, который столкнулся с вами на углу четверть часа тому назад.

Тут я припомнил, что на повороте из улицы Ц. меня чуть не сбил с ног торговец с корзиной яблок на голове: но я не мог понять, какое это имеет отношение к Шантильи.

В Дюпене не было и тени шарлатанства.

— Я сейчас вам объясню, — сказал он, — и чтобы вы ясно поняли меня, прослежу весь ход ваших мыслей от настоящего момента до той *rencontre*³ с продавцом яблок. Вот главные звенья цепи — Шантильи, Орион, д-р Никольс, Эпикур, Стереотомия, груда булыжников, продавец яблок.

¹ Когда-то, прежде (*лат.*).

² И ему подобных (*лат.*).

³ Встреча (*фр.*).

Почти всякому случалось хоть раз в жизни исследовать постепенный ход своих мыслей, приведших к известному заключению. Занятие это часто исполнено интереса; и тот, кто берется за него в первый раз, поражается кажущимся отсутствием связи и безграничным расстоянием между исходным пунктом и заключением. Каково же было мое изумление, когда я услышал слова француза и не смог не согласиться с тем, что он сказал абсолютную правду. Он продолжил:

— Сколько помню, мы толковали о лошадях перед самым поворотом с улицы Ц. — то и была последняя тема нашего разговора. Когда мы свернули на эту улицу, продавец фруктов, бежавший куда-то с большой корзиной на голове, толкнул вас на грудь булыжников, сложенных в том месте, где чинилась мостовая. Вы наступили на камень, поскользнулись, слегка ушибли ногу, пробормотали несколько слов с сердитым или беспокойным видом, повернулись и взглянули на грудь камней, а затем, не проронив ни слова, пошли дальше. Я не особенно внимательно следил за вами; но в последнее время наблюдение сделалось для меня почти необходимостью.

Вы шли, опустив глаза, сердито поглядывая на рытвины и выбоины мостовой (стало быть, думали еще о камнях), пока мы не дошли до переулка Ламартина, вымощенного, в виде опыта, тесаными камнями. Тут ваше лицо просветлело, по движению ваших губ я догадался, что вы прошептали слово «стереотомия» — термин, который почему-то применяется к такого рода мостовым. Я знал, что слово «стереотомия» должно вам напомнить об атомах и, следовательно, о теориях Эпикура; и так как в нашем последнем разговоре на эту тему я сообщил вам, как удивительно — хотя это остается почти незамеченным — смутные изыскания благородного грека подтверждаются новейшей небулярной космогонией, то мог ожидать, что вы невольно взглянете на большое туманное

пятно Ориона. Вы взглянули на него; это убедило меня, что я действительно угадал ваши мысли. Но в насмешливой статье о Шантильи, во вчерашнем номере *Musée*, автор, издеваясь над сапожником, переменившим фамилию при поступлении на сцену, цитировал латинский стих, о котором мы часто говорили. Вот он:

Perdidit antiquum litera prima sonum¹.

Я говорил вам, что это относится к Ориону, называвшемуся раньше Урионом, связанная с этим объяснением игра слов заставляла меня думать, что вы не забыли его. В таком случае представление об Орионе должно было соединиться у вас с представлением о Шантильи. Что такое сопоставление действительно мелькнуло у вас в голове, я заметил по вашей улыбке. Вы задумались о фиаско бедняги сапожника. До тех пор вы шли вашей обычной походкой, а теперь выпрямились. Очевидно, вы подумали о малом росте Шантильи. Тут я прервал нить ваших мыслей, заметив, что он, Шантильи, действительно карлик и был бы больше на месте в *Théâtre des Variétés*.

Вскоре после этого случая мы просматривали как-то вечером *Gazette des Tribunaux*, где прочли следующую заметку:

«Необыкновенное убийство»

Сегодня около трех часов утра обитатели квартала Сен-Рош были разбужены страшными криками, доносившимися, по-видимому, с четвертого этажа одного дома на улице Морг, единственными жильцами которого были некая мадам Л'Эспанэ и ее дочь мадмуазель Камила Л'Эспанэ. После неудачной попытки проникнуть в дом обычным порядком дверь была выломана, и человек восемь или десять вошли в

¹ Первая буква утратила былое звучание (*лат.*).

сопровождении двух жандармов. Тем временем крики прекратились, но, когда толпа поднялась на первую площадку лестницы, можно было слышать несколько голосов ссорившихся людей, раздававшихся из верхней части дома. Со второй площадки уже ничего не было слышно. Толпа разбрелась, осматривая комнаты. В большой комнате четвертого этажа (дверь которой пришлось сломать, так как ключ оказался внутри) глазам явившихся открылось зрелище, изумившее всех и в то же время поразившее ужасом.

В комнате был страшный беспорядок, мебель изломана и разбросана. Белье и тюфяки, сброшенные с кровати, валялись на полу. На стуле лежала окровавленная бритва. В печке нашли несколько густых длинных ключев седых человеческих волос, тоже окровавленных. На полу валялись четыре наполеондора, топазовая сережка, три больших серебряных ложки, три поменьше из *métal d'Alger*¹ и два мешка, в которых оказалось около четырех тысяч франков золотом. Ящики комода и стола были выдвинуты и очевидно ограблены, хотя многие вещи остались на месте. Маленький несгораемый сундук оказался под тюфяком (не под кроватью). Он был открыт, и ключ еще находился в замке. В нем оказалось только несколько писем и не очень важных бумаг.

Никаких следов мадам Л'Эспанэ не было видно, но, заметив в камине необычайное количество сажи, жандармы исследовали трубу и (страшно сказать!) вытащили оттуда тело дочери, засунутое туда вниз головой. Оно еще не остыло, было покрыто ссадинами; на лице оказались глубокие царапины, на шее — черные полосы и глубокие следы ногтей, как будто покойная была задушена.

Обыскав весь дом и не найдя ничего больше, вошедшие отправились на маленький дворик, находившийся позади дома, и здесь нашли труп мадам Л'Эспанэ, с перерезанным (почти начисто) горлом, так что, когда тело подняли, голова отвалилась. Голова и тело были страшно обезображены, первая едва сохранила человеческий облик.

Это ужасное происшествие остается пока совершенно неразъясненным».

¹ Алжирский металл (фр.).

Содержание

Убийство на улице Морг	3
Тайна Мари Роже	42
Украденное письмо	93
«Это ты!»	115
Золотой жук	131
Продолговатый ящик	146
Черный кот	159
Бочка амонтильядо	170
Сердце-обличитель	180